

Лео Бокерия: «Влюблен в сердце». Истории от первого лица

Автор:

Лео Бокерия

Лео Бокерия: «Влюблен в сердце». Истории от первого лица

Лео Бокерия

Спасая жизнь. Истории от первого лица

Эта книга – об истинном враче, который превыше всего ценит человеческую жизнь. Кардиохирург от Бога, ученый, организатор отечественной медицины, Лео Бокерия знаменит на весь мир. На его счету – более 5000 операций на открытом сердце и целых 52 года у операционного стола. Зарубежные коллеги приезжают к нему в Центр Бакулева перенимать опыт, а многие соотечественники называют его своим учителем. Лео Бокерия – гений сердца. Для многих он – живая легенда. «Влюблен в сердце» – искренняя биография Лео Бокерии: воспоминания великого врача, добрые слова его коллег и родных, а также репортаж из операционной!

Лео Бокерия

Лео Бокерия: «Влюблен в сердце»

© Сурнина П. В., 2019

© Цыбульский И. И., 2012, 2019

* * *

Вступление

Мне много раз предлагали написать автобиографию. И я думал, что это хорошая мысль – рассказать о замечательных людях, с которыми мне посчастливилось работать бок о бок, о том, как развивалась кардиохирургия и что она значит для нашей страны и для всего мира.

Я даже придумал название для книги – «Под звездами кресты». В том смысле, что не родился еще врач, у которого бы не умер ни один пациент. Вспоминая хирургов масштаба Бориса Васильевича Петровского, Владимира Ивановича Бураковского, я думал: «Эти люди – гении, звезды хирургии. Но и у них были свои «кресты», когда они теряли больного в результате его крайне тяжелого состояния».

Во время операции рядом с тобой стоит операционная сестра, которая ассистирует многим хирургам и лучше тебя знает порядок. Рядом с тобой анестезиолог, блестяще делающий свое дело. Специалист, который проводит искусственное кровообращение, за год делает не меньше тысячи таких операций у пациентов всех возрастов. Я не представляю, где еще, кроме операционной, может собраться бригада профессионалов такого уровня. Но и здесь нет никаких гарантий, что пациент выживет, и не возникнет никаких осложнений. Ведь если бы человек чувствовал себя хорошо, он не пошел бы на операцию, правильно?

Но когда издательство «Молодая гвардия» предложила выпустить книгу обо мне в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается», где до этого выходила биография Евгения Максимовича Примакова, я подумал – и все-таки согласился. В 2012 году вышла книга Игоря Цыбульского. Спустя девять лет она легла в основу этой книги – вместе с дополнительными интервью, а также замечательными фотографиями Екатерины Штукиной.

Сердце

Сердце перекачивает более 5 с половиной литров крови в минуту, или 340 литров в час. За 70 лет жизни человека оно способно перекачать более 200 миллионов литров! Человеческое сердце – поистине уникальный механизм, замечательный, неутомимый, тонко отлаженный кровяной насос.

Нет. Все-таки не механизм и не насос! Я никогда не представлял себе сердце как некое мышечное образование, приспособленное к перекачке крови.

Человеческое сердце – вечная загадка и главный предмет моих забот. У сердца, между прочим, даже свой персональный день имеется – 29 сентября. Он так и называется – Всемирный день сердца. Обратите внимание: ни один из органов человеческого организма своего отдельного дня не имеет.

Сердце – тебе не хочется покоя... Это же просто поразительно, что в течение всей жизни сердце человека должно работать без единой остановки и отдыха. И ведь работает! Мышцы, сосуды, клапаны... Представить невозможно, что они закрываются и открываются в течение жизни человека более двух миллиардов раз. Какой материал способен выдержать подобную нагрузку!

НЦССХ им. А. Н. Бакулева. 2002 г

Мне, хирургу, много раз приходилось менять сносившиеся – в буквальном смысле стершиеся – искусственные сердечные клапаны. А ведь там применяются самые прочные и самые износоустойчивые материалы, какие только существуют на земле, – шарик из сверхпрочного силикона и каркас из специальной космической стали. Сейчас для искусственных клапанов используют еще более прочные материалы, чем силикон: и все равно никакой материал не может сравниться с тем, что создано самой природой.

Я убежден: без сердца толком нет жизни! Существуют, конечно, одноклеточные, у которых вроде как нет сердца, все же остальное его имеет. Ну, а если бы на земле жили только одноклеточные, то о существовании нашего мира, понятное дело, никто бы и не узнал. Сердце – вот начало начал! Величайший двигатель всякой жизни!

Скажу еще и так: более гармоничной картины, чем ритмично сокращающееся сердце, я в жизни своей не видел – и, честно сказать, даже представить не могу. Как же все это поразительно красиво и мощно!

Вот сердце отдыхает, расслабляется в период паузы – и вдруг начинает сжиматься красивым, могучим, живым движением. Это невозможно пересказать, это нужно увидеть!

Какая же немыслимая мощь заключена в этом маленьком, величиной с кулак мышечном узле, способном разгонять кровь по всему организму, по бесчисленным сосудам, начиная от широкой мощной аорты и кончая тончайшими, как волос, капиллярами. Если все эти сосуды вытянуть в одну нить, то общая длина их составит около 115 тысяч километров. Этого достаточно, чтобы два с половиной раза обернуть Землю по экватору!

Работу сердца можно сравнить с бегом великого какого-нибудь спринтера. Какого-нибудь нынешнего Усейна Болта, скажем: но мне все-таки ближе гармоничный, летящий бег кумира моей молодости – бесподобного Валерия Борзова. Вот Борзов срывается со стартовых колодок, мощно отталкивается, стремительно набирает ход и уверенно выигрывает спринт на Олимпиаде! То, что он делает за эти краткие мгновения, – настоящее волшебство!

А что переживает за эти десять секунд его сердце?! На всей дистанции в сто метров – один, максимум два вдоха! Пульс взлетает до двухсот ударов... А всего через минуту – восемьдесят и вот уже шестьдесят. Тренированное сердце великого спортсмена очень быстро отходит от чудовищной, запредельной нагрузки, восстанавливает нормальный ритм! А ведь за эти секунды в организме накопилось критическое количество отходов сверхнапряженной мышечной работы – углекислого газа, молочной кислоты и так далее, и все это сердце смогло выдержать и прогнать по артериям, венам и капиллярам, очистить и нейтрализовать. Для тренированного здорового сердца, кажется, нет ничего невозможного.

Вот другой классический пример. Стоит парень возле метро с букетом цветов, ждет свою девушку. Вот она появляется! У него, как у спринтера, пульс взлетает за двести ударов! Что случилось?! Мощный выброс адреналина в синусовый узел. В тот самый узел, который заводит сердце. Это электрическая система, которая регулирует ритм и настрой человеческой жизни.

Тут мы вроде бы все знаем и владеем физиологией процесса. Но это только кажется, что знаем и владеем. Сердце – великая и вечная тайна. Уже одно то, как оно развивается... В начальный период, когда плод только зарождается в утробе матери, там еще никаких намеков на сердце нет. Позже образуется какая-то едва заметная палочка, которая затем с каждым днем растет и наконец превращается в то чудо, которое мы называем сердцем. К шестнадцатой неделе беременности мы, врачи-кардиологи, уже с полной уверенностью можем сказать, здоровое оно или больное.

Формирование детского сердца для меня – предмет, к которому я питаю особенную привязанность. Возможно, это несколько затертая фраза, но она наиболее точно отвечает моим ощущениям. Развитие сердца я сравнил бы с тем, как вырастает прекрасный цветок: как распускается из едва заметной крохотной почки, освещая все вокруг своей красотой. И этот цветок управляет нашей жизнью, порождая самые памятные, самые сильные чувства, которые только доводится пережить человеку.

Думаю, что понять меня в полной мере может лишь хирург-кардиолог, то есть человек, который держал в своих ладонях, живое, трепещущее и прекрасное человеческое сердце!

Глава первая. Детство

Очамчира

Вообще-то наша семья родом из Поти. Это Колхида, места легендарные, мифические. Считается, что именно сюда стремились аргонавты под предводительством героя Ясона: те, что похитили у здешнего царя Ээта золотое руно, шкуру волшебного барана.

Однако родился я все же не в Поти, а в Очамчире, небольшом, но тоже очень древнем городе на берегу Черного моря в 55 километрах от столицы Абхазии Сухуми. Связано это с тяжелой болезнью моей старшей сестры Марины. Тогда в Колхидской низменности была очень распространена малярия. Чтобы избавиться от болезни, угрожавшей жизни Марины, врачи посоветовали сменить климат и перебраться в более здоровые и сухие места. Так наша семья оказалась в Очамчире, где я и родился за несколько дней до наступления последнего предвоенного года.

Папа мой по профессии инженер, мама – учительница младших классов. Папу не помню, потому что он скоропостижно скончался, когда мне было всего три года. Первая врезавшаяся в память картина жизни – именно похороны отца. Я еще мало что понимал. Помню, что взрослые шепотом говорили мне: «Веди себя тихо. У тебя папа умер!» Вторая картинка моего детства – яркая и радостная. День Победы! Сияет солнце. На меня надели белую рубашку и штаны на ляпочках через плечи: и вот мы отправились в город. Было это в Очамчире. На площади громко играло радио, и все люди казались счастливыми. Хорошо помню, что мне было тоже очень радостно...

Сразу после этого вспоминается, как я тонул в нашей быстрой и холодной речке Гализге. На речку я пришел вместе со старшими ребятами. Они, занятые своими интересными делами, на меня внимания не обращали, и мы с моим верным другом и соседом Отаром Шамугия решили искупаться. Плавать оба еще не умели. Но воды я не боялся и потому старался зайти как можно глубже. Когда я забрался по шейку, поскользнулся на круглом камне – и быстрая вода понесла меня на глубину. Товарищ ничем не мог помочь, но зато догадался заорать изо всех сил, это отвлекло старших ребят от их важных дел. Они прибежали и принялись спасать меня. Правда, быстро вытащить меня на сушу не удалось и я успел прилично нахлебаться.

Откачивали меня довольно долго, но все же вернули к жизни. Попросили не рассказывать матери: иначе всем, кому меня доверили, могло здорово влететь от родителей. Я пообещал и действительно об этом не рассказывал, потому что прекрасно понимал, что иначе на речку меня больше не пустят. Ну, а теперь уже можно...

Хорошо помню тяжелые 1947–1949 годы. На Кавказе – редчайший случай – случился настоящий голод. Но люди относились друг другу как родные, делились последним и всем старались помочь. Тогда мы уже жили в Поти. Дом

наш находился в пяти минутах ходьбы от центра. На нашей улице Профинтерна (позже переименованной в улицу Нико Ломоури) было тридцать домов, и в половине из этих домов отцы не вернулись с войны. Но мы все жили как одна большая семья. Потому и выжили.

Хлеб выдавался по карточкам, продукты можно было купить только на рынке, и они стоили больших денег. Поэтому все наши соседи, и мы вместе с ними, все что только могли выращивали сами. Кукуруза, фасоль, огурцы, помидоры росли на наших огородах. Урожайи в здешних местах с субтропическим климатом всегда были хорошие. Особенно поддерживали нас фрукты. Яблоки, груши, гранаты. Традиционно хорошо в Поти плодоносили цитрусовые. Но в 1949 году не повезло. Была страшно холодная зима, и множество плодовых деревьев погибло. У нас, например, вымерзли корни у пятидесяти мандариновых и апельсиновых деревьев. В это время, пожалуй, только и спасала рыба. Камбалы в море тогда было много, и на базаре она продавалась постоянно и недорого, а на озере Палеостоми можно было ловить даже деликатесную кефаль.

Нашими соседями слева была семья Ратиани. К ним – к одним из немногих – после войны вернулся глава семьи. Правда, вернулся он инвалидом. Женой его была известная во всем Поти тетя Катуша (так ее звали и грузины и русские). В семье Катуши росло трое сыновей: Созари, Гамлет и Бутхузи. Это были очень хорошие ребята, и я с ними дружил.

Тетя Катуша (Екатерина – Катюша) работала фельдшером. Женщина эта по самой природе своей была целителем, однако трудная жизнь не позволила ей выучиться на врача, она стала только фельдшером. Но что значит диплом, если лечиться к ней ходил буквально весь город. Этой чудесной женщине я благодарен на всю жизнь за то, что она, как добрый ангел, ухаживала за нашей мамой, когда мы все, ее дети, учились в разных городах нашей страны. Свою старшую дочь я назвал Екатериной именно в честь этой чудесной, истинно душевной женщины.

Дворовые истории

Отар был нашим соседом через улицу. У него был порок сердца. Его оперировал сам Федор Григорьевич Углов. Он тогда просто хороший хирург был, еще не

всемирно знаменитый. Мы с Угловым потом дружили, я ему даже как-то рассказывал о своем товарище Отаре Шамугия, которому тот подарил жизнь. У Отара даже была фотография, как он лежит на операционном столе, а над ним склонился Углов... Трудно даже понять, кто и как это фото сделал. Отар этим снимком очень дорожил и гордился.

Между прочим, у нас с Отаром в детстве было любимое развлечение, которое мы всегда вспоминали, когда встречались: гонки на поросятах. На нашей улице в Очамчире было принято вешать поросьятам на шею такие фанерные треугольники, чтобы они не могли пролезть между планками забора и в чужие огороды не повадились... Вот за эти треугольники мы хватались, запрыгивали на своих «скакунов» и неслись наперегонки с поросячьим визгом по улице. Замечательное развлечение, только если хозяева не увидят...

Иногда по телевизору показывают знаменитое американское развлечение – родео. Там настоящие профессионалы-ковбои соревнуются, кто дольше удержится на спине необъезженного мустанга или быка. Очень похоже на то, что мы с Отаром вытворяли в детстве. Кстати, замечу, поросята тоже о-о-очень норовистые «скакуны». Они всегда нас в конце концов сбрасывали – но все равно это было здорово, так что мы старались как можно дольше проскакать, не вылетая «из седла».

Прожил Отар лет до пятидесяти пяти. Не будь той операции – никакой нашей веселой жизни, этих гонок на поросятах, нашей долгой дружбы тоже не было бы. То, что Отара спас замечательный хирург Федор Григорьевич Углов, и то, что мой товарищ после операции стал здоровым человеком (да еще фотография с операционного стола), – все это, думаю, в молодости сильно на меня повлияло. И мне захотелось стать медиком... и не просто врачом, но именно хирургом, который может вот так явно дарить людям здоровье и жизнь.

* * *

Отношения другими детьми у меня были не безоблачные. В двух домах от нас жил мой ровесник Николай, у которого было четверо старших братьев. Они все были очень боевые ребята и считали, что Коля-младшенький растет каким-то слишком уж миролюбивым и безобидным. Поэтому они проводили для него регулярные «уроки мужества». Учили бороться и драться на кулаках. Но тренировки тренировками, а для воспитания характера необходима настоящая

драка: а тут как раз я – очень удобно для них – иду из школы домой и никак не могу миновать «опасное» место.

Когда я подходил к лавочке, где рядом сидели братья, они выпихивали навстречу мне младшего, который с кислым видом – драться у него, конечно же, никакого желания не было – объявлял: «Давай биться». «Не хочу!» – отвечал я мрачно и клал портфель на обочину, зная, что драки не избежать.

1950-е гг

Старшие братья во время нашей схватки вели себя как профессиональные рефери, не давая нам слишком увлекаться, звереть и применять недозволенные приемы. В наших поединках, надо признать, преимущество было на моей стороне, я же все-таки каждый день играл в футбол и был неплохо физически подготовлен. Так что братья Николая, даром что беспристрастные судьи, вынуждены были слегка помогать своему бойцу.

Драка велась, как говорится у пацанов, «до первой кровянки». И так как это случалось довольно скоро – то есть кто-то кому-то разбивал нос или появлялась кровоточащая царапина, – схватка прекращалась. Я подбирал свой портфель и отправлялся домой.

Таким образом, почти каждое мое возвращение становилось для мамы настоящим кошмаром. Утром она отправляла меня в школу в пусть и не новой, но чистой и отутюженной рубашке и в приличных, тоже отглаженных брюках. А возвращался я в таком виде, словно меня волоком протащили по всей нашей пыльной улице. Для меня же труднее всего было то, что каждый раз приходилось врать и придумывать что-то новое. Убедить маму, что я просто споткнулся и упал, с каждым днем становилось все труднее и труднее.

На мое счастье, братья пришли как-то на футбольное поле и увидели матч, в которой мы накатали сборной соседней улицы около десятка голов: половину забил я. С тех пор братья стали моими болельщиками. И теперь, когда я по дороге из школы проходил мимо их дома, вместо драки у нас начинались

интересные разговоры о футболе. К великой маминной радости, домой я теперь возвращался таким же чистым, каким был утром, когда она отправляла меня в школу. И наконец-то мне не нужно было врать и что-то придумывать.

Анчар

В Потти было много моряков. Во время войны на здешнюю военно-морскую базу даже перебросили корабли из захваченного фашистами Севастополя. У военных моряков жены были в основном учительницы, которые преподавали в наших школах. Педагоги они были отличные, и потому ребята из Потти обычно успешно поступали в высшие учебные заведения по всей стране и даже в Москве.

Большинство ребят с нашей улицы посещали русскую школу № 3, туда ходили и многие грузинские дети. Я учился с большой охотой, был настоящим отличником, что среди мальчишек большая редкость. За все время в этой школе у меня была только одна двойка. История редкая и необычная, причем с продолжением, и потому ее стоит рассказать.

В седьмом классе к нам пришла новая учительница литературы. Она тоже была женой морского офицера из Ленинграда. А ленинградцы, как известно, всегда отличаются интеллигентностью и тонко чувствуют искусство. На этот урок нам было задано знаменитое стихотворение А. С. Пушкина «Анчар». Я стихотворение выучил и был совершенно спокоен. Сидел я, как и положено отличнику, за первой партой. Школьный журнал начинался прямо с моей фамилии (на «А» у нас никого не было). Так что новая учительница меня первым и вызвала.

Я подошел к учительскому столу, повернулся к классу лицом и начал с воодушевлением (совершенно искренним, стихотворение мне самому очень нравилось) декламировать. Все шло прекрасно примерно до середины, и тут... Трудно даже сказать, что меня сбило, кажется, учительница сделала кому-то замечание, я запнулся, подумав, что она обращалась ко мне. Учительница махнула мне рукой, мол, продолжай... Но я вдруг онемел. Все, что было написано в этом стихотворении дальше, безнадежно вылетело у меня из головы.

Ребята со всех сторон, некоторые даже довольно громко, подсказывали мне продолжение, учительница смотрела с удивлением, но у меня произошел

странный сбой, который я никак не мог преодолеть. В конце концов учительница сурово сказала мне, что учить стихотворения нужно до конца, а не до половины, и поставила мне жирную двойку. Прямо в журнал.

Признаюсь, двойка была для меня тяжелым ударом еще и потому, что об этом каким-то образом узнала мама и в слезах прибежала в школу. Я очень переживал, хотя виду, конечно, не показывал. Впрочем, все довольно быстро поправилось. В учительской новой литераторше, видимо, объяснили, что этот мальчик круглый отличник и не стоило его сразу так сурово наказывать.

Буквально на следующем уроке учительница вызвала меня снова. Я без запинки с выражением прочитал стихотворение и получил сразу после двойки такую же большую жирную пятерку. Больше у меня никаких проблем с новой учительницей не было. Она стала очень хорошо ко мне относиться, и напротив моей фамилии, как и раньше, красовались только пятерки.

9-ый класс средней школы № 3 города Поти: пометка «Это я» сделана рукой Лео Бокерии

Вы думаете, на этом история закончилась? Ничего подобного. Недаром же анчар – дерево ядовитое и опасное. Стихотворение неожиданно напомнило о себе через много лет, когда к юбилею Александра Сергеевича на центральном телевидении была организована передача «Мой Пушкин». В этой программе люди разных профессий читали любимые произведения великого поэта.

Наш известный режиссер Юрий Грымов, готовивший эту передачу, в числе других пригласил и меня. Я рассказал ему историю про стихотворение «Анчар», мы посмеялись, и было решено, что я именно это памятное стихотворение буду читать.

Съемки программы велись на «Мосфильме». Я, конечно, освежил в памяти текст и встал перед камерами в полной уверенности, что все будет хорошо. С некоторой даже усмешкой подумал, что теперь я уже не ребенок и никакие посторонние мелочи меня не собьют, но... Когда я дошел до того самого места, где застрял много лет назад в седьмом классе школы № 3, словно вдруг электричество выключили. Я безнадежно и наглухо забыл последующий текст.

Мне дали книгу, я прочитал стихотворение и даже быстренько повторил его, все было нормально, однако и во второй раз повторилось тот же самое. В конце концов с большим трудом и помощью суфлера стихотворение удалось прочитать до конца. Все очень смеялись, и я вместе со всеми, но мне почему-то было грустно...

Потом старшая дочь Екатерина, смотревшая передачу, никак не могла понять, почему я, выразительно и с энтузиазмом начав читать стихотворение, как-то вяло и невыразительно заканчивал его, глядя в пол (на суфлера). Когда я рассказал ей эту грустную историю, она развеселилась, а я понял, что теперь уже никогда не буду декламировать «Анчар».

На всю жизнь: футбол и шахматы

Я очень люблю футбол: увлекался и увлекаюсь им всю жизнь. Не меньше футбола я люблю шахматы: в них я играю и по сей день, а вот футбол смотрю уже только по телевизору.

Убежден, что на футбольном поле каждый из нас играет ту же роль, что и в жизни. Конечно, не всегда это получается одинаково хорошо, но если хочешь узнать человека, постарайся увидеть его в игре. В азарте игры человек обязательно раскроется и предстанет не таким, каким сам хочет казаться, а таким, каков он есть на самом деле. И если в обычной жизни люди способны контролировать себя настолько жестко, что порой трудно бывает разглядеть их истинное лицо, то в игре спрятаться невозможно. Игра раскрывает человека сразу и полностью.

Я и в шахматах всегда старался играть острые, рискованные партии. Ничья, как результат игры, меня совершенно не устраивала и не интересовала. Стремиться

следует только к победе. Это мое стремление и характер, я не пытаюсь этого скрывать. Могу сказать, что люди, игравшие со мной в футбол или шахматы, знают меня гораздо полнее и глубже, чем многие коллеги на работе.

Поти, между прочим, одно из немногих мест, где на территории Российской империи, а после Советского Союза появился футбол. Это история еще XIX века. Уже в те времена Потти был крупным портом европейского масштаба, и туда нередко заходили пароходы из Англии. А где англичане, там и футбол.

Когда англичане прибывали в порт Потти, они немедленно формировали там команды и принимались гонять мяч. Тем более что в течение всего года в Потти плюсовая температура. Со временем английские моряки стали принимать в свои команды и местных ребят. Постепенно дошло до того, что наши составили свою сборную и начали играть против англичан. Это, наверное, были первые во всей России международные футбольные матчи.

Англичане – известные костоломы и, кроме того, хорошо обученные опытные игроки: они почти всегда выигрывали. А когда английские суда уходили, образовывалась некая пустота. Нашим футболистам, которые уже неплохо освоили игру, хотелось постоянно гонять мяч! И вот они стали создавать в различных районах, пригородных поселках и даже на отдельных улицах собственные команды и играть между собой.

Первое время, как это описывает замечательный писатель Константин Паустовский, хорошо знавший наши края, футболисты разделялись по принципу холостых и семейных и сражались очень серьезно. А уж в наше послевоенное время все вокруг играли. Наша улица была довольно широкая, возле домов стояли лавочки, на которых обычно сидели бабушки и старички, тут пели песни, молодые ребята и девушки устраивали игры... Но во время футбольных матчей все лавочки занимали наши зрители и болельщики. Так вот взрослые, которые с удовольствием смотрели футбол, в конце улицы поставили ворота. Когда случалось, нужно было проехать машине, то она по канавам вперирку с заборами объезжала эти ворота. Шоферы были люди понимающие и футбол уважали.

Ворота были в ширину не больше пяти метров и по высоте тоже ниже нормальных. Без сеток. Откуда было их взять. В длину наше поле было метров 40–50. И вот каждый день с часов четырех и даже трех, когда мы приходили из школы, начинались игры.

Ближе к вечеру появлялись ребята постарше. Они нас выгоняли и начинали играть сами. Мы не обижались и легко превращались в болельщиков. Постепенно вокруг поля собирались взрослые и вместе с нами наблюдали за играми.

Понятно, что у болельщиков появились свои кумиры: некоторые из них были настолько хороши, что вскоре становились настоящими футболистами и играли в известных командах того времени.

Дворовый футбол был развит необыкновенно и в иных случаях не уступал профессиональному. Команда города Поти участвовала в чемпионате Грузии. Замечу, что почти всегда наши были в числе первых пяти-шести лучших. Побеждали, правда, всегда команды из Тбилиси, потом шли в разном порядке Рустави, Кутаиси, Батуми, Сухуми и Поти. Играли очень прилично. Вспоминаю финты, которые тогдашние мастера показывали, – нечасто и сейчас увидишь такое даже в исполнении прославленных виртуозов.

В школе, наверное, в классе седьмом, с нами учился парень по имени Юра Гвазава, который уже тогда играл и тренировался профессионально. И вот он нас втянул в чемпионат города среди школ. Это был настоящий, серьезный чемпионат, и за ним все в городе с большим интересом следили. Наша школа там выиграла все матчи и заняла первое место.

Я играл в футбол лет до пятидесяти пяти. Помогло то, что на Ленинском проспекте, в 30 метрах от моей работы, к Олимпийским играм построили большой спортивный зал. Там, под крышей, можно было с комфортом гонять мяч круглый год. Но при всем удобстве, если играешь в зале, нагрузка получается большая: бегать приходится практически непрерывно, как в баскетболе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/bokeriya_leo/leo-bokeriya-vlyublen-v-serdce-istorii-ot-pervogo-lica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)